

Что касается займища, то его надлежит усеять нередкими трупами убитых „молодых орлят“. Ни в коем случае нельзя упустить из вида выносимых из огня раненых. Много раненых. Особенно, смертельно раненых, как, например, моего станичника командира 5 сотни, сотника Крючкова, бывшего немало трехлетья помощником станичного атамана. Ночью я с ним тепло, как с отцом, беседовал, а сейчас, когда его пронесли, он меня уже не признал...

К завтраку мы вошли в хутор Молоканов. В Молоканове простояли два дня и, передохнув, пошли дальше. Красные, как попровалились — ни одного не видали.

Шли весь день и ночь. Позагорелись от жары, а нигде не попадалось ни одного колодца. Жажду утоляли оставшимися на свезенных бахчах кабаками. Только на второй день, перед вечером (15 сентября) добрались до одного колодца, у которого, утолив жажду, попадали, как убитые. Но не на долго. Сейчас же поднялись и пошли дальше. Ориентируясь по карте, узнал, что перед нами хутор Кумской.

Не успели отойти и ста шагов от колодца, как до нас стала доноситься сначала глухо, а потом все слышней и слышней, пулеметная и винтовочная стрельба. Особенно усердно такали пулеметы. А небольшие, как через четверть часа, срывая по дороге „пылку“, засыпали и пули. По цепи передалось „вперед“. Входили в сферу стального дождя, приготовленного для нас, видимо, ожидавшим нас противником...

Когда человек до фанатизма верит в правоту своего дела; когда он предан своему делу всей своей душой и всем своим телом; когда он в средстве достижения своего ясного, правого дела спокоен, уверен, — тогда он при его достижении умирает, не задумываясь, проявляя при этом свое полнейшее безграничное самопожертвование. К такому умозаключению человек должен быть подготовлен. Молодую Армию к нему (к

этому умозаключению) подготовило ее четырехмесячное воспитание...

Нужно было только видеть, как заранее ожидавший нас противник сыпал на ровное, как стол, поле потоки этого страшного стального дождя. А мы между тем, шли, даже не угинаясь. Шли так, как ходили по лагерному плацу на параде, наглядно бравирова очевидной смертью. Не угинаясь, а падали только те, кому уже не суждено было вставать. Все же остальные, не редея, а тая, только и думали и кричали, что „вперед“ и „вперед“...

Одних взводных заместителей я назначал до десятка раз. Между прочим. — Назначая новых взводных урядников, я невольно на моих глазах был свидетелем одного явления (не знаю сам, как оно сохранилось в моей памяти). Я видел, что когда человека убивает смертельная пуля, то он обязательно почему-то, прежде чем упасть, подпрыгивает, подскакивает зачем-то вверх, а потом уже падает. Я это отлично запомнил на моих взводных, замещение которых для командира обязательно. Шел и заменял их до тех пор, пока не подпрыгнул сам, потеряв сознание...

Что правда, то правда. Очень похоже было на парад (как пишет автор „Всевеликого Войска Донского“). Только, конечно, не на парад на лагерном плацу или на Соборной площади, а на какой-то другой парад...

Я бы хотел этот „парад“ назвать не просто парадом, а еще как-либо... Вот уже действительно:

— Ах, сколько, сколько пало их

В борьбе за Край Родной —

Отважных, гордых, молодых...

Да, да. Отважных, гордых, молодых... Особенно, мне жаль, молодых. Нужно было только видеть этих „молодых орлят“, так смело умиравших за свой Родной Край. Нужно было только видеть, как горячо они Его любили...

(Окончание следует).

Думы и мысли.

Грицько Таманець (Югославія).

* * *

Гей, та прийдуть іще літа,
Козацтво випха москаля
Із хати власної, як пса;
Розіб'є знов кайдани ті.

II.

Хіба в степу широкім тім
Не бачить вільних табунів;
І на конях свої швидких
Не будем знов скакати ми.

III.

Кубань свою я так люблю,
Холодних вод її красу.
Ми знайдем сили, як її
Спасти від зайди — большака.

IV.

Хіба-ж даремно кров лилась
За волю, щастя козаків.
І лихо обгорнуло нас
Туманом злиднів і журби.

V.

Хіба навк в чужим ярмі
Лишиться мусять козаки;
Робить чужим у день, вночі;
По всіх краях літять птахом.

VI.

Одна брехня в степу блука.
Козак в чужині все шука
Святої правди по людях.
Нема її, нема її!

VII.

О, лютий кате! прийде час,
Хвилина помсти за братів;
І загремлять гармати знов;
І полетять орли на бій.

VIII.

Брати мої! свій до свого
Горнімося у мент тяжкий!
Летіть до лави козаків,
Як воля, щирих вояків!

Три года „В. К.“ для казачьей литературы.

Говорить о казачьей литературе можно, пока еще, только условно, ибо, если строго разобраться, ее еще нет; она только зарождается; появляются первые ростки. Одни осторожно и неуверенно нащупывают почву, другие, найдя для себя „свое“ поле, тихо и кропотливо работают, третьи делают смелые посевы. Таким образом есть все данные за то, что многие из нас еще увидят дружный расцвет молодой, но уже окрепшей казачьей литературы. Она будет иметь св. и языковые и психологические особенности, будет отражать душевные нюансы своего народа и потому будет им возлюблена.

Работников на еще целинном поле казачьей литературы и сей час уже много; каждый из них проводит хоть одну бороздку, бросает хоть одно зерно, кладет хоть один камень в фундамент строящегося дома родной литературы. Само собою разумеется, что среди теперешних работников много случайных, недолговечных элементов, так сказать, поденщиков литературы, но надо быть уверенным, что время выветрит, очистит и, воздав каждому должное, оставит в стенах казачьего литературного дома истинных мастеров, сумевших проч-

но повтыкать вехи по пути к этому дому для последующих поколений.

Наше настоящее, наше эмигрантское положение для судеб нарождающейся казачьей литературы имеет и положительные и отрицательные стороны; при чем, как это ни странно покажется на первый взгляд, по моему, первых больше чем вторых.

Эмигрантская жизнь материально бедна; ежедневная работа и забота о хлебе и службе отнимают много времени и энергии. Это безусловно — отрицательная сторона. Но тоскующая по родной земле, мятущаяся в изгнании душа казака, желание борьбы за свободу родного народа, призыв к этому своих братьев толкают на изливание своих переживаний в образной форме, т. е. к литературному творчеству. Это одно. Эмигрантская же жизнь рассеяла нас по разным странам, вольно или невольно знакомит нас с местной грамотой и языком и, следовательно, дает нам возможность с первоисточников знакомиться с лучшими образцами иностранной литературы, которая у многих и стара и славна, а молодая, зарождающаяся литература бывает так восприимчива. Эмигрантская же жизнь представила нам случай жить часто бок о бок или находиться под непосредственным свободным творческим влиянием лучших русских писателей, литературные формы которых не могут не оказать влияния на казачью литературу благодаря языковому единству; благодаря этому же положению наша казачья пишущая молодежь находится в несравненно лучших условиях творчества, чем теперь наши братья на родине — мы находимся в государствах с нормальным устройством, в условиях свободного, бесконтрольного творчества. Она же (эмигр. жизнь), будучи богатой всяческими переживаниями, дает наблюдательному взору много материала для воплощения в творчестве. И, наконец, наличие в эмиграции свободных печатных органов, с различными идеологическими направлениями, дает возможность каждому пишущему казаку печататься и представлять свою работу на суд казачьей аудитории. Все это — положительные стороны печальной эмигрантской жизни для развития зарождающейся казачьей литературы.

Но, до появления журнала „Вольное Казачество“ биение пульса казачьей литературы нельзя было заметно уловить; ни один казачий печатный орган не уделял ей особого внимания, она была в явном пренебрежении, в загоне. Только появление „В. К.“ с его постоянным и определенным литературным отделом (даже на первой странице), который за короткое время вообрал в себя все молодые творческие силы Казачества, заставило и другие журналы встревожиться и обратить внимание на свои молодые литературные ростки. И покойный „Путь Казачества“, и теперешний „Родимый Край“, в подражание „Вольному Казачеству“, заводят литературные отделы, начинают зазывать казачью пишущую братию. Но лучшие казачьи литературные силы (не только по моему мнению, но и по мнению многих наших противников) нашли вдохновение для своего творчества в идеологических устремлениях „В. К.“ и они, дружно разместившись на его страницах, голосистым молодым хором стали заглушать одиночные голоса в других „казачьих“, но без казачьих идей журналах, которые, во многих случаях, за недостатком своих сил, принуждены прибегать к помощи русских писателей.

Таким образом, „Вольное Казачество“ своим чисто казачьим полигическим направлением и своим правильно взятым, поощрительным отношением к молодой казачьей литературе оживило дремлющие творческие элементы и пропустило через свои страницы и направило по литературному пути не один десяток молодых казаков, желающих попробовать свои силы на литературном поприще. И если из этих десятков авторов хоть единицы выйдут на настоящую литературную дорогу и положат основу казачьей литературе, заслуга „В. К.“ будет велика.

Я сделал бы большое упущение, если бы не упомянул здесь об одном грустном, для дела литературы весьма вредном явлении... Это — не нужное, чрезмерное увлечение некоторых наших молодых литераторов вопросами „внутриорганизационных пертурбаций“, слишком активная ориентация на тех или иных лиц из среды наших политических руководителей,

в случаях их „несогласий“, которая, в конечном результате ведет к отпадению от активного литературного сотрудничества того или иного литератора. Я не говорю, что литераторы должны быть вне политики, нет, но я советую воздержание от мелочей „политики“, от активного участия в „неурядицах“, которые бывают во всякой семье, во всяком политическом течении и во всякой организации. Я утверждаю, что это отвлечение молодых литературных сил от прямого своего дела вредно отражается на непрерывности их же литературной работы.

По моему, наши начинающие поэты и писатели, разбившись согласно своим политическим взглядам между существующими казачьими печатными органами, постольку, поскольку эти органы не меняют своих идеологических направлений, должны спокойно и непрерывно делать свои литературные опыты. Национальная литература — великий фактор в жизни народа, ее значение сугубо увеличивается в период борьбы народа за свое существование и потому литература сама по себе достаточно важна и прекрасна, чтобы исключительно ей посвятить свои силы. Это наши молодые литераторы должны понять и если этого еще нет, то вина здесь только их самих.

Шалвур Ниминон.

О калмыцком журнале „Ковыльные Волны“

В ноябре месяце, в Париже вышел первый номер калмыцкого литературно-политического журнала „Ковыльные Волны“.

Журнал этот издается группой калмыков, называемой „Знамя калмыцкого народа“. Редактируется он президентом этой группы.

В выходе в свет этого журнала следует усматривать факт большой важности, ибо он является первым политическим печатным органом в истории калмыцкого народа. Еще более важным фактом является то, что первый политический печатный орган калмыков несет на своих страницах идею независимости Казачества.

Ранее выходившие калмыцкие журналы являлись органами общественных, а не политических организаций, поэтому они не подходили к разрешению координальных вопросов, стоящих над будущим калмыцкого народа, они не касались актуальных политических тем.

И вот журнал „Ковыльные Волны“ первый сделал шаг к разрешению политических вопросов, касающихся жизни своего народа.

Говорят, что печатное слово в эпоху национального возрождения народа является его главным оружием, и это бесспорно верно. Мысль эта хорошо выражена словами И. А. Билого, сказанными в этом же журнале: „Самое мощное орудие национального возрождения каждого народа — слово в устах национальной интеллигенции. В особенности слово печатное“. К этому можно прибавить еще одно положение, что народ имеющий свои политические идеалы, тем самым определяет свое право на политическую жизнь. Тот же народ, который передает решение своих политических вопросов другому народу, тем самым передает в руки его всю свою судьбу. Поэтому, мы особенно приветствуем выход в свет журнала „Ковыльные Волны“, т. к. появление его знаменует и выход калмыков на „политическую арену“, а вместе с тем свидетельствует о жажде к жизни калмыцкого народа и о желании его сохранить свое национальное Я.

Политическое с г е д о журнала К. В.“ определено: калмыки в составе независимого Казачьего государства. Во многих статьях авторы их особенно подчеркивают эти мысли, выражая их разными словами. Так, например, С. Балыков в статье „Наш путь“ говорит: „Вольноказачье дело есть дело калмыцкого народа“ или: „Независимая Казакия одной из составных единиц которой будет калмыцкий народ — вот наш путь“. Д-р Эр. Хара-Даван в статье „О наших национальных задачах“ дает аналогичную мысль: „Участь калмыцкого народа прежде всего зависит от участи окружающего его со всех сторон Казачества, посему калмыцкий народ должен быть в братском союзе, сожителстве с Союзом Казачьих Войск.“